

ЗАПАХ ВРЕМЕНИ О СВОИХ ЧАСАХ РАССКАЗЫВАЕТ ПАРФЮМЕР ФРАНСИС КУРКДЖЯН

Франсиса Куркджяна называют одним из величайших парфюмеров Франции, одним из крупнейших «носов» этой страны. Сам он, правда, к определению «нос» относится с обидой, хотя нос у него действительно выдающийся. Сделав духи для нескольких модных домов первого ряда, он создал собственный Maison Francis Kurkdjian, в котором кроме прочего разрабатывает духи sur mesure по индивидуальным заказам, стоимость которых начинается от €8 тыс. Завышенная эта цена или мизерная, как посмотреть.

— Про меня иногда пишут, что я родился в Грасе, самом парфюмерном городе Франции, где испокон веков делают духи. Еще говорят, что я унаследовал способности от родителей-парфюмеров. Все не так. Я рос в Гурней-сюр-Марн, восточном парижском предместье, мама сидела дома, папа работал в консалтинговой фирме. К моде имел отношение только дедушка — он шил одежду, и бабушка ему помогала. То есть я хоть и из предместья, но с детства знал, что мода — это работа.

Я любил музыку, это да, я увлекался танцем и мечтал однажды оказаться на сцене Парижской оперы. И даже два раза пытался туда поступить, и оба раза — неудачно.

Когда меня не приняли в Оперу, мне было тогда 13, я был в отчаянии. Чем же еще я смогу заниматься, что приносило бы мне столько счастья, сколько приносили музыка и танец? Я подумал, что мог бы работать, как дедушка, модельером. И отправился к Сен-Лорану, тот нашел мой рисунок несовершенным и на работу не взял. Но именно тогда я узнал, что в главных модных домах работают парфюмеры — у Шанель, у Диора. Мне было 15 лет, когда я поступил в ISIPCA, l'Ecole Internationale de Parfumerie. Дальше жизнь пошла по прямой ветке. Я до сих пор жалею, что не стал танцором, но с каждым годом все меньше. Сейчас я был бы уже танцором-пенсионером, а в парфюмерии у меня еще все впереди.

Первой удачей были духи Male для Жана-Поля Готье. Мне исполнилось тогда 25 лет. Готье был художником, он художником и остается, и я понял тогда, какое это счастье — иметь не только карьерные, но и творческие цели.

Мне стало казаться, что ремесло парфюмера достойно того, чтобы его выставляли в музее. Так родились идеи «обонятельных инсталляций» в музеях и на пленере. В 2006 году мы с моей командой на одну ночь наполнили фонтан в версальской Оранжерее ароматом fleur d'orange. Мы работали тогда вдвое суток без перерыва, но тот аттракцион был удивительным сочетанием звука, цвета и запаха. Что-то подобное мы делали в Италии и

— Rolex Oyster Perpetual Datejust — универсальное часовое решение для французского «носа» Франсиса Куркджяна

в Америке, я очень люблю эти работы, когда аромат меняет пространство и замедляет время.

Аромат может даже возвращать время — так было, когда я сделал духи Марии-Антуанетты по записям ее парфюмера. Я знал, что она любила запах цветов, особенно роз и ирисов. Я изучил приемы работы алхимиков тех лет, способы, которыми они получали вытяжки и эссенции. Нет, я не убивал девушек, как Парфюмер у Зюскинда, поверьте, но мне приходилось находить баланс между звучанием ароматов, привычным для XVIII века и привычным для нас. Потому что мне хотелось перенести дух несчастной французской королевы в наше время через такую волшебную, невидимую субстанцию, как запах.

Когда ты работаешь, ты должен чувствовать запахи, но не переносить их. Этому подчинены твои жесты, твоя одежда и вещи. То, что на руках. Особенно часы. У меня есть часы Hermes с двойным ремешком, я их очень люблю, но почти не ношу, потому что кожа вбирает влагу. Вот поэтому я надеваю почти все время те, что у меня сейчас на руке. — Rolex Oyster из белого золота, сплава, почти не переносящего запахи и нечувствительного к любой химии. Я купил их в Риме четыре года назад, когда приезжал к своим друзьям на выходные. Это «настоящие» часы, которые я очень ценю. В них есть все, что надо, и ничего лишнего. Они на браслете, и это удобно. Они универсальны, это одновременно классическая и спортивная вещь.

У меня есть и другие часы, менее строгие, Cartier, которые мне подарили, когда мне было 30 лет. Это золотой Cougac с их фирменным сапфиром. Была простая пряжка, но я специально сделал золотую. Кожаный ремешок, золотые часы, я их надеваю вечером, когда мне не надо работать. Мои Cartier — кварцевые, и это другой тип элегантности, я люблю их за дизайн.

Я вообще-то не из фанатов механических часов. Идею я понимаю. Это часть удовольствия. Это как машина. Вы можете любить машину за дизайн, а можете — за механизмы. Но я думаю иногда, что с механическими часами могут возникнуть проблемы. Если их несколько дней не надевать, то можно перепутать время, опоздать и так далее. Со мной такое случалось.

А потом я забываю, что я — за кварц, потому что я обожаю Reverso. Когда я был молодым, я всегда мечтал о них, но не мог себе позволить. А теперь, когда они мне по карману, не могу решить, какие именно купить! У Jaeger-LeCoultre был юбилей в Париже, там были выставлены все модели Reverso, и я не мог выбрать! Это так тяжело. Мне и те, и другие нравились.

Времени мне никогда не хватает, я встаю рано, ложусь поздно. Могу провести ночь, гуляя по версальскому парку, могу убить ее в ночном клубе в Шанхае, но это скорее исключения из правил, чем образ жизни.

Вдохновение я получаю из внешнего мира, это правда. Но скорее из зрительных впечатлений, из памяти, слуха и жеста. Из литературы. Вы помните, как Зюскинд описывал запахи мира в «Парфюмере». Гренуй родился среди зловония, но смог создать магические ароматы. Все запахи мира служат духам, а не наоборот. Музыкант не может наслаждаться уличным шумом, но он может в нем найти что-то, что его вдохновит. Первичные запахи иногда непереносимы в своей чистоте, но я понимаю, как они могут измениться в моих духах.

Беседовал Алексей Тарханов